

Б. Я. МИХАЙЛОВ

АНТИРАБОЧАЯ ПОЛИТИКА КОНГРЕССА США В 1937—1938 ГОДАХ

Одной из самых характерных черт современного американского ревизионизма является пропаганда старой буржуазной теории «исключительности» американского капитализма. В прошлом в распространении этой теории видную роль сыграли крупные американские буржуазные историки Дж. Коммонс, Э. Перлман, Т. Карвер¹. В наши дни наряду с такими буржуазными исследователями, как Ф. Даллес, С. Клаф, Х. Паркс и т. д.², ее усиленно продолжают культивировать и «развивать» Э. Браудер, Дж. Гейтс и другие ренегаты коммунистического и рабочего движения США.

Многочисленные проповедники теории «американской исключительности», начиная от рядовых журналистов и кончая маститыми учеными, придавали и придают ей самые разнообразные формы и оттенки. Однако, каковы бы ни были внешние различия, основой этой теории продолжает оставаться утверждение о том, что США якобы свободны от воздействия общих, объективных законов капитализма, что в них будто бы нет почвы для классовой борьбы, для идей научного социализма.

Страшась больше всего пробуждения и развития классового самосознания американского пролетариата, буржуазия США и ее идейные прислужники — творцы и пропагандисты теории «исключительности» — стремятся возвести между рабочими и научным социализмом стену лжи и клеветы, пытаются удержать трудящихся в тенетах буржуазной идеологии. Рабочим нечего заботиться о своем положении и тем более вести непримиримую борьбу против своих хозяев за улучшение жизненных условий, твердят защитники капиталистических порядков в США. Об их участии «позаботятся» сами монополии. В тех же случаях, когда последние окажутся «несправедливыми» или «бессильными», на помощь рабочим придет-де «заботящееся о всеобщем благе» государство с его законодательными, исполнительными и судебными учреждениями.

В этой связи буржуазные теоретики особенно любят поговорить об «особой» роли высшего законодательного органа страны — конгресса США, стоящего якобы над классами и издающего законы в интересах всего общества. При каждом удобном случае конгресс изображается ими как собрание народных представителей, заинтересованных будто бы в равной степени в защите насущных нужд как промышленников и финансистов, так и рабочих и фермеров.

¹ «A Documentary History of American Industrial Society», by J. R. Commons and others, vols. I—X. Cleveland, 1909—1911; S. A. Perlman. A History of Trade Unionism in the United States. New York, 1923; T. N. Carver. The Present Economic Revolution in the United States. Boston, 1925.

² F. R. Dulles. Labor in America. A History. New York, 1949; S. B. Claugh. The American Way. New York, 1953; H. B. Parkes. The United States of America. A History. New York, 1953 и т. д.

Восхваление конгресса является, таким образом, одной из характерных особенностей пропаганды теории «исключительности американского капитализма». Особенно превозносятся при этом «либеральная» деятельность конгресса в период 30-х годов, когда у власти в США находилась демократическая партия во главе с президентом Ф. Д. Рузвельтом. Прославляя законодательную деятельность конгресса и буржуазных реформаторов того периода — Норриса, Ла Гардиа, Вагнера и самого Рузвельта, апологиеты американского капитализма заявляют, что эта деятельность якобы принесла рабочим больше благ, нежели их самая упорная борьба за свои права³.

В настоящей статье предпринимается попытка, основываясь на анализе рабочей политики конгресса США в 1937—1938 гг., вскрыть тенденциозность и несостоятельность подобной оценки конгресса буржуазными историками США, представляющими его в роли защитника интересов американского народа. Главным источником для работы послужили протоколы и материалы самого конгресса.

* * *

Как известно, в 1937—1938 гг. в Соединенных Штатах Америки разразился острый экономический кризис, который возник не после обычного промышленного подъема, а вслед за кризисом 1929—1933 гг. и последующим периодом депрессии. Длительное расстройство экономической жизни вызвало в стране небывалое обострение классовой борьбы рабочих против монополий, которые отказывались принимать какие-либо меры для ликвидации массовой безработицы и обнищания пролетариата и вообще оказались неспособными избавить страну от пагубных последствий экономического кризиса, ставшего хроническим.

В этих условиях руководящие круги американской буржуазии пришли к выводу о необходимости более активного вмешательства буржуазного государства в экономическую жизнь страны в интересах монополий. Подобное вмешательство, теоретически обоснованное известным английским экономистом Джоном Мейнардом Кейнсом, в больших масштабах стало осуществляться с 1933 г. правительством президента Рузвельта. В связи с проведением в 30-х годах ряда законодательных мер экономического и политического характера, известных под общим названием «Нового курса», в стране заметно усилились роль и влияние конгресса США.

Казалось бы, что именно в эти годы буржуазного реформаторства, ставившего своей целью спасение капитализма от экономического кризиса и его возможных политических последствий, конгресс должен был каким-то образом подтвердить свою столь широко разрекламированную способность выступать в роли защитника интересов народа. Однако в действительности, несмотря на некоторые либеральные попытки в области рабочего законодательства, больше всего пригодившиеся для новой кампании славословия по адресу «американской демократии», конгресс США и в этот период в целом оставался на позициях, выгодных только монополиям.

Между тем положение рабочего класса США в условиях экономической депрессии и кризисов непрерывно ухудшалось. Безработица, как коррозия, разъедала и подтачивала жизненные силы общества. Численность безработных в США на всем протяжении 30-х годов не опускалась ниже 10—11 млн. человек. Ежегодно только каждый четвертый безработный мог получать временную и скудную помощь через трудовые лагеря, организованные на средства Управления промышленно-строительных работ общественного назначения (Works Progress Administration — WPA),

³ См., например, C. R. Daugherty. *Labor Problems in American Industry*. Boston, 1938; A. Schlesinger. *The Crisis of the Old Order, 1919—1933*. London, 1957.

Управления общественных работ (Public Works Administration — PWA) и Гражданского корпуса по охране лесов и мелиорации (Civil Conservation Corps — CCC). Безработные, временно занятые на общественных работах, получали в среднем по 20 долл. в месяц, или по 240 долл. в год, в то время как общая сумма минимальных жизненных расходов для семьи из 4 человек составляла в 1937 г. 1317 долл.⁴ Другие виды помощи безработным заключались главным образом в выдаче пособий отделениями Национального управления по социальному обеспечению (Social Security Board) в штатах. Максимальный размер пособий по безработице составлял 15 долл. в неделю, и выплачивались они в течение 16 недель⁵. После этого безработные в лучшем случае могли существовать лишь на подачки благотворительных организаций.

Рабочим, занятым на производстве, постоянно грозила опасность лишиться своего места. Их заработная плата резко сократилась, поскольку существовал огромный резерв рабочей силы на рынке труда. Предприниматели умышленно сокращали почасовые расценки, подгоняя общий уровень заработной платы под ставки рабочих, занятых на общественных работах. Фонд заработной платы рабочих горной, обрабатывающей, строительной промышленности и транспорта сократился с 16,8 млрд. долл. в 1929 г. до 11,4 млрд. долл. в 1936 г. Доля рабочих в национальном доходе США сократилась соответственно с 20,9 до 17,9%⁶.

В наиболее тяжелом положении оказались негритянские, мексиканские, пуэрториканские и китайские рабочие. Большинство из них были безработными, а занятые имели более низкие заработки, чем белые рабочие. Средний заработок на Юге США в 1937 г. составил 313 долл. по сравнению с 604 долл. в остальных штатах страны⁷.

Начавшийся с 1936 г. рост цен усиливал несоответствие между покупательной способностью трудящихся и стоимостью жизни. Бедственное положение американского пролетариата усугублялось высокой квартирной платой и налогами. Домовладельцы выселяли из квартир сотни тысяч семей за неуплату задолженности по квартплате. Общая сумма налогов, основная тяжесть которых ложилась на американцев со средними и низкими доходами, и прежде всего на рабочих, составляла 12 млрд. долл.⁸.

Не удивительно, что в поисках выхода из своего столь тяжелого положения рабочие не только вели борьбу против монополий, но и усиливали свое давление на конгресс и правительство США. Вторая половина 30-х годов ознаменовалась ростом организованности и политической активности широких масс американского пролетариата.

История рабочего движения США не знала еще таких масштабов, такой массовости и такого упорства борьбы американских рабочих, с каким они выступили в эти годы против капиталистов, в защиту своих жизненных интересов. Если для первой половины 30-х годов было характерно преобладание массового движения безработных при относительно ограниченном забастовочном движении, то во второй половине этого десятилетия на первый план выступила забастовочная борьба рабочих. Резкий подъем стачечного движения наметился еще в 1933 г. и достиг высшей точки, как это видно из приводимой на 67 стр. таблицы⁹, в 1937 г.

Широкое распространение в 30-х годах в США получила такая активная форма забастовочной борьбы, как «сидячая стачка». Желая добиться удовлетворения своих требований, рабочие объявляли забастовку, но оста-

⁴ «Congressional Record» (далее — C. R.), December 14, 1937, p. 1971; March 8, 1938, p. 4097.

⁵ C. R., May 31, 1938, Appendix, p. 10274.

⁶ «Arsenal of Facts». Prepared by Labor Research Association. New York, 1938, p. 29.

⁷ «The CIO News», August 20, 1938, p. 8.

⁸ C. R., January 21, 1938, Appendix, p. 1234.

⁹ «Statistical Abstract of the USA, 1953». Washington, 1954, p. 222; «Trade Union Facts». New York, 1939, p. 9; C. R., March 25, 1938, p. 5394; May 10, 1938, p. 8672.

	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Число стачек	841	1695	1856	2014	2172	4740
Число участников (в тыс.)	324	1170	1470	1120	789	1860
Потери в человеко-днях (в млн.)	10,5	16,9	19,6	15,5	13,9	28,4

вались в цехах заводов и фабрик, чтобы не допустить в них штрейкбрехеров.

В ходе забастовочной борьбы в США непрерывно усиливалось движение за создание мощных производственных профсоюзов в масштабе ведущих отраслей промышленности. По всей стране возникали местные союзы, которые объединялись по городам и штатам в крупные объединенные производственные профсоюзы. Как росла численность рабочих в производственных профсоюзах по отдельным отраслям промышленности, можно видеть из следующих данных ¹⁰:

Годы	Сталелитейная	Автомобильная	Электро- и радиотехническая	Резиновая	Текстильная	Городской транспорт	Всего
1935	12 000	25 000	25 000	6 000	87 000	12 000	167 000
1937	637 000	450 000	137 000	75 000	175 000	87 000	1 561 000

Под влиянием движения за производственные профсоюзы произошел раскол в руководстве Американской федерации труда (АФТ). Клика консервативных лидеров во главе с председателем АФТ Уильямом Грином продолжала отстаивать устаревшую структуру цеховых профсоюзов, препятствовавшую росту их рядов за счет неквалифицированных рабочих и обеспечивавшую привилегированное положение высококвалифицированным мастерам. Другая группа лидеров АФТ, во главе с руководителем союза горняков Джоном Льюисом, выступила против Грина и поддерживала лозунг производственных профсоюзов, настаивая на вовлечении в ряды АФТ неорганизованных рабочих. 10 ноября 1935 г. в рамках АФТ был создан Комитет производственных профсоюзов. Первоначально в него вошли восемь крупных профсоюзов АФТ, объединявших около 1 млн. рабочих ¹¹.

Дальнейшее развитие внутрипрофсоюзной борьбы в АФТ в 1936—1938 гг. привело сначала к исключению из АФТ профсоюзов Комитета, а затем к их конституированию в самостоятельный профсоюзный центр, объединивший в 1937 г. 3718 тыс. рабочих ведущих отраслей тяжелой и легкой индустрии ¹². На I съезде производственных профсоюзов в Питтсбурге в ноябре 1938 г. был создан Конгресс производственных профсоюзов США (КПП). Это было большим достижением рабочего класса, крупным шагом на пути сплочения левых сил в борьбе против монополий.

Своим появлением КПП был обязан энергии широких масс рабочих, решительно выступавших в защиту своих жизненных интересов, против бедствий, порожденных капиталистическими кризисами.

Огромные усилия для создания нового, боевого профсоюзного центра приложили деятели демократического, левого крыла рабочего движения. Среди них большую организующую роль сыграли американские коммунисты, которые, по словам У. Фостера, были «энергичными борцами за

¹⁰ «The CIO News», June 4, 1938, p. 7.

¹¹ W. Z. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 306; «Communist», January 1936, p. 48.

¹² «Arsenal of Facts», p. 68.

профсоюзное единство и за построение профсоюзов по производственному признаку; общепризнано, что именно они внесли неоценимый вклад в дело создания Конгресса производственных профсоюзов, объединившего рабочих тех основных отраслей промышленности, в которых предприниматели упорно противились созданию профсоюзов»¹³.

Массовое движение безработных, забастовочная борьба рабочих, успехи производственных профсоюзов были одной из решающих причин появления в США рабочего законодательства 30-х годов, составившего важнейшую часть «Нового курса» Рузвельта.

5 июля 1935 г. президент подписал «Национальный акт о трудовых отношениях 1935 г.» (National Labor Relations Act), получивший известность под названием закона Вагнера¹⁴. В соответствии с этим законом монополии были обязаны вести переговоры с профсоюзами и заключать с ними коллективные договоры. Стачки признавались как средство самозащиты рабочих. Разрешалось пикетирование предприятий и зданий монополий. Запрещалось создавать «компанейские» профсоюзы и вмешиваться во внутренние дела рабочих организаций. Суды обязывались разбирать жалобы профсоюзов на нарушения закона со стороны монополий. Для контроля за выполнением закона Вагнера было создано «Национальное управление по трудовым отношениям» — НУТО (National Labor Relations Board).

14 августа 1935 г. президент — впервые в истории США — подписал «Федеральный закон о социальном обеспечении» (Federal Social Security Act)¹⁵. В штатах были приняты законы о страховании в связи с безработицей (Unemployment Compensation Laws)¹⁶. На основании этих законов в дальнейшем организовывалась выплата скудных пособий по безработице, нетрудоспособности и старости (с 65 лет), а также детям-сиротам и слепым. Кроме того, были созданы упомянутые выше Управления общественных работ.

В июне 1938 г. был принят федеральный закон «О справедливом найме рабочей силы» (Fair Labor Standards Act)¹⁷. Он предусматривал введение минимума почасовой оплаты не ниже 25 центов в первом году действия закона, 30 центов во втором году и 40 центов после третьего года. Продолжительность рабочей недели устанавливалась в 44 часа для первого года действия закона, в 42 часа для второго года и в 40 часов после второго года с условием оплаты сверхурочных работ в полуторном размере.

Эти и некоторые другие законы «Нового курса» (Housing Act, Railroad Retirement Act, Antistrikebreaker Act)¹⁸, принятые конгрессом и правительством, явились вынужденными уступками правящих кругов США рабочему классу. Их, несомненно, следует рассматривать как крупный успех, завоеванный американским пролетариатом в упорной борьбе против монополий. Именно под давлением массового движения трудящихся Верховный суд США 12 апреля 1937 г. признал ведущий в рабочем законодательстве «Нового курса» акт Вагнера конституционным законом страны.

Однако было бы ошибкой переоценивать этот успех рабочего класса США. Приняв законодательство «Нового курса», буржуазия постаралась сделать все возможное для того, чтобы свести к минимуму его осуществление на практике. В самом начале проведения в жизнь «Нового курса» монополисты одобряли его главные мероприятия в экономической обла-

¹³ «Коммунист», 1957, № 15, стр. 69.

¹⁴ С. R., 1935, p. 10259, 10300; «Trade Union Facts», p. 57—64. Вагнер — сенатор-демократ от штата Нью-Йорк, участвовал в разработке законопроекта и внес его в конгресс.

¹⁵ С. R., May 31, 1938. Appendix, p. 10274—10275.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ С. R., June 13, 1938, p. 11817—11821.

¹⁸ «Trade Union Facts», p. 83.

сти. Они особенно приветствовали правительственные субсидии трестам и меры восстановления финансово-банковской кредитной системы. Вместе с тем многие монополисты с осторожностью отнеслись к рабочему законодательству Рузвельта, а в дальнейшем открыто выступили против него, опасаясь, что усиленное вмешательство государства в трудовые отношения в промышленности может привести к покушению на принцип частного предпринимательства, к ограничению их «прав» на эксплуатацию рабочих.

Эти опасения не имели под собой никакой почвы, ибо ни администрация Рузвельта, ни демократическая партия вовсе не ставили перед собой подобных целей. Они стремились лишь «успокоить» рабочих и быстрее принять некоторые меры, направленные на то, чтобы попытаться выйти из экономического кризиса и укрепить американский капитализм. Одновременно они желали нажить политический капитал как у американской буржуазии, так и среди американского народа.

«Признавая право рабочих на организацию и использование ими результатов своего труда,— заявлял сенатор Элбен Бэркли,— конгресс в течение четырех-пяти последних лет одобрил большое число мероприятий, предназначенных охранять права рабочих в их отношениях с предпринимателями»¹⁹. Так сенатор рекламировал рабочие законы, относившиеся к «Новому курсу» Рузвельта, желая представить их как «благодеяния» конгресса и демократической партии, лидером которой в сенате был Бэркли. «Все буржуазные партии, то есть те, которые охраняют экономические привилегии капиталистов,— писал В. И. Ленин,— рекламируют свои партии точно так же, как отдельные капиталисты рекламируют свои товары»²⁰. Бэркли рекламировал законы конгресса, изданные в пользу рабочих, выдавая их за великую заслугу демократической партии. Законы эти действительно были приняты и предназначались «охранять права рабочих». В этом Бэркли был прав. Однако с ним нельзя согласиться, если поставить вопрос: как же на деле охранялись этими законами права рабочих? А ведь в этом заключается реальная ценность законодательства. Важны не сами по себе законы, как таковые, нередко украшающие парадные фронтоны буржуазной демократии, а их конкретные результаты. «Чтобы разобраться в партийной борьбе,— подчеркивал В. И. Ленин,— не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества»²¹.

Между тем от принятия рабочего законодательства «Нового курса» до его претворения в жизнь была дистанция огромного размера. Она резко увеличилась в период 1937—1938 гг., когда, пытаясь переложить на трудящихся всю тяжесть нового экономического кризиса, монополии США начали очередное наступление на жизненные права рабочих. Ожесточенное сопротивление деловых кругов осуществлению рабочего законодательства «Нового курса» особенно проявилось в 1937—1938 гг. в политике прямого саботажа предпринимателями и монополиями этого законодательства, и прежде всего закона Вагнера. В то время как Рузвельт и его сторонники по-прежнему больше склонялись к использованию либеральных методов борьбы с рабочим движением в рамках буржуазной демократии, стараясь избегать при этом открытых столкновений с трудящимися, другая часть американской буржуазии, государственных и партийных деятелей все больше стремилась к тому, чтобы отказаться от либерального рабочего законодательства. Монополисты и реакционеры требовали применения жестких мер подавления рабочего движения и выработки су-

¹⁹ С. R., April 22, 1937. Appendix, p. 4865.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 28.

²¹ Там же, стр. 29.

ровых приемов борьбы против трудящихся. Эти две тактические линии американской буржуазии по отношению к рабочему движению, наметившиеся во второй половине 30-х годов, нашли свое четкое проявление и во внутриполитической борьбе в конгрессе США в 1937—1938 гг.

Ожесточенным нападкам со стороны реакционных сил в конгрессе подверглись прежде всего коммунистическая партия, КПП, участники сидячих стачек. Редким было заседание в палатах в 1937—1938 гг., на котором рабочий вопрос не стоял бы в центре внимания. Бесконечные обструкции, клевета и угрозы по адресу прогрессивных организаций имели целью отказ от политики уступок трудящимся и переход к жесткому курсу борьбы с рабочим движением.

Часть политических деятелей конгресса открыто высказывалась за отмену закона Вагнера, другие выступали за «исправление» некоторых его положений. Сенатор Ванденберг (республиканец от штата Мичиган) изложил свои «поправки» к закону Вагнера в законопроекте 2712 от 28 июня 1937 г. Когда «поправки» Ванденберга к закону Вагнера встретили упорное сопротивление со стороны прогрессивного общественного мнения страны, сенатор попытался протащить их в качестве дополнения к законопроекту Блэка — Коннэри о справедливом найме рабочей силы²². «Поправки» Ванденберга имели целью предоставить правительству право «регулировать» деятельность профсоюзов. Последние в связи с этим выступили с решительным протестом против новой «наглой попытки ограничить право рабочих на организацию»²³.

Особым нападкам конгрессменов подвергалось положение закона Вагнера о правах профсоюзов при обсуждении трудовых конфликтов в судах, а также НУТО. «Дебаты, которые здесь (в сенате.— *Б. М.*) развернулись,— говорил сенатор Томас,— указывают на то, что, по-видимому, мы настроены упразднить Управление по трудовым отношениям»²⁴. Стремление конгрессменов сократить ассигнования на работу этого управления стало в 1937—1938 гг. вполне очевидным.

О саботаже предпринимателями закона Вагнера свидетельствовали жалобы, накопившиеся в Национальном управлении по трудовым отношениям. К 1938 г. число жалоб профсоюзов на грубейшие нарушения монополиями закона Вагнера составляло 10430²⁵. В 1939 г. это число возросло еще на 10%. Рассмотрение жалоб тянулось месяцами; часть решений НУТО, принятых в пользу профсоюзов, была отменена в судебных инстанциях²⁶. Подтверждая наличие целой системы саботажа монополиями закона Вагнера, конгрессмен Ремспек (штат Джорджия) заявил 17 ноября 1937 г. в палате представителей: «Хорошо известно, что подавляющее большинство предпринимателей в нашей стране, несмотря на поддержку Верховным судом закона Вагнера о трудовых отношениях, отказалось приложить какие-либо усилия, чтобы сделать этот закон эффективным»²⁷.

Некоторые сторонники «Нового курса» добивались от конгресса принятия каких-либо санкций экономического характера против монополий, попиравших закон Вагнера. С этой целью, например, в феврале 1938 г. Вагнер внес законопроект (в виде поправки к закону Уолша — Хейлея), предусматривавший лишение монополий, нарушавших рабочее законодательство, права на получение правительственных заказов. Процедурная комиссия палаты представителей отвергла, однако, этот законопроект и отказалась передать его на обсуждение палаты. Джон Льюис, выражая от имени КПП протест против подобной политики саботажа конгрессом

²² C. R., July 28, 1937, p. 7728—7734; July 30, 1937, p. 7861—7862.

²³ Ibid., p. 7731.

²⁴ C. R., February 24, 1938, p. 3188.

²⁵ H. A. Millis, E. C. Brown. From the Wagner Act to Taft — Hartley. Chicago, 1950, p. 41.

²⁶ Ibid., p. 49.

²⁷ C. R., November 17, 1937, p. 147.

закона Вагнера, писал: «Организованные рабочие вправе знать, каково отношение конгрессменов к этому законодательству. Это трусость скрывать действия процедурной комиссии, которая известна своей дружбой с корпорациями и враждебной позицией по отношению к рабочим»²⁸. Таким образом, не только предприниматели, но и сам конгресс, издавший закон Вагнера, на деле не принял никаких действенных мер, чтобы сделать его эффективным. Более того, значительное число членов конгресса делало все для того, чтобы поощрять наглые действия монополистов, направленные на подрыв закона. Кампания против закона Вагнера с новой силой развернулась после начала экономического кризиса в 1937 г. Реакционные элементы в обеих палатах требовали отмены или «исправления» закона, сокращения ассигнований на общественные работы и оказание помощи безработным и последующей ликвидации НУТО.

Дебаты по этим вопросам в конгрессе нередко принимали характер острых столкновений между противниками и сторонниками рабочей политики Рузвельта. Кампания против либерализма в рабочем вопросе проводилась под флагом борьбы с «опасностью» коммунизма, ради подавления демократической оппозиции в рабочем классе США. Стремясь заставить изменить свою позицию тех, кто выступал за определенные уступки трудящимся, лидеры реакции в конгрессе запугивали их перспективой усиления рабочего движения и его прогрессивного крыла. Как признавал позднее конгрессмен Дикштейн (штат Нью-Йорк), именно члены конгресса «создали атмосферу истерии против организованных рабочих, атмосферу, которая, как я должен с сожалением отметить, вовлекла конгресс в рассмотрение законопроектов, призванных ликвидировать право рабочих на организацию, коллективный договор и стачку»²⁹.

Самым распространенным измышлением большинства членов конгресса по адресу многих рабочих организаций было обвинение их в том, что они допустили проникновение в свои ряды коммунистов, якобы ставящих своей целью ниспровержение существующего строя путем «насилия». С этих позиций больше всего подвергался нападкам КПП. Как только не изощрялись законодатели в запугивании американцев мнимой коммунистической опасностью в производственных профсоюзах. КПП называли «филиалом» компартии США, «летающим эскадроном» по провоцированию стачек и беспорядков в стране, «гнездом красной угрозы», «иностранной агентурой» и т. д.³⁰

Вся эта кампания клеветы и травли по адресу Коммунистической партии США и КПП преследовала цель подорвать прогрессивное движение в рабочем классе, ослабить его борьбу за единство и организованность своих рядов, за свои жизненные интересы. Стремясь всячески дискредитировать коммунистов — наиболее последовательных защитников прав рабочих, желая оттолкнуть от них трудящихся, реакционеры распространяли по адресу КП США всяческие небылицы, одну нелепее другой. Они надеялись таким путем обмануть американскую общественность, заставить ее отказаться от поддержки КП США и КПП, подготовить почву для принятия реакционного законодательства и для открытой расправы с передовыми, прогрессивными деятелями американского рабочего движения.

Антикоммунистическая кампания 30-х годов в США имела также своей задачей отвлечь внимание американского народа от факта существования и активной деятельности в стране многочисленных фашистских и профашистских организаций, занимавшихся открытым террором против трудящихся.

Чтобы уверить американцев в правдоподобности обвинений КП США и КПП в «заговоре» и т. п., в конгрессе неоднократно обсуждались имен-

²⁸ «The CIO News», June 18, 1938, p. 1.

²⁹ C. R., April 30, 1941, p. 3551.

³⁰ C. R., May 27, 1938, p. 10049—10052; May 2, 1938, p. 8057.

ные списки «коммунистов», будто бы «окопавшихся» в КПП с подрывными целями, и списки левых, демократических деятелей, действующих якобы по указке коммунистов. Так, специализировавшийся на антипрофсоюзной деятельности Гофман представил в июне 1937 г. конгрессу список 47 «коммунистов», действовавших в КПП, где значились фамилии лиц, вообще никогда не имевших никакого отношения к компартии³¹. Как ни смешно, но Гофман включил в эти списки, например, таких известных реформистских лидеров, как братья Рейтеры (Уолтер, Виктор и Рой), только по тому признаку, что первые два из них когда-то работали на автозаводе в Советском Союзе и все трое окончили Бруквудский рабочий колледж в Катонахе (Нью-Йорк), который, по мнению Гофмана, был коммунистическим.

В августе 1938 г. один из реакционных деятелей АФТ, Джон Фрей, выступил в комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности с показаниями о «заговорщической» деятельности 284 «красных лидеров» КПП. Показания Фрея широко афишировались печатью монополий под заголовком: «Коммунисты управляют КПП»³². Демократические силы в КПП разоблачили тогда эти подрывные методы борьбы АФТ, которая использовала антикоммунистическую истерию в целях дискредитации производственных профсоюзов³³. Выступления лидеров АФТ в конгрессе за редким исключением встречались с нескрываемой симпатией, их деятельность по «примирению» классов всячески расхваливалась. «АФТ проделала прекрасную работу, огромную работу на протяжении всех предшествующих лет», — с восхищением заявляли конгрессмены³⁴. Большинство ораторов в конгрессе с благоговением произносило имя основателя АФТ Гомперса. Сенатор Льюис говорил, например: «Великий рабочий лидер прошлого Сэмюэль Гомперс отдал свою жизнь улучшению условий труда рабочих (!) и содействовал укреплению духа согласия среди рабочих и мира между предпринимателями и рабочими. Прекрасная традиция Американской федерации труда, которая развивалась под руководством Гомперса, была продолжена под руководством Уильяма Грина, одного из выдающихся лидеров в Соединенных Штатах»³⁵. Другой конгрессмен — Вудруф откровенно заявлял, что его симпатии к АФТ основаны на том, что ее деятельность никогда не выходила за рамки чисто «экономических вопросов», что она «оставалась верной и преданной идеалам и философии Сэмюэля Гомперса»³⁶.

В противоположность этому отношение большинства членов конгресса США к только что возникшему КПП характеризовалось крайней враждебностью. Ненависть к КПП, по словам того же Вудруфа, определялась тем обстоятельством, что конгрессмены «являются теперь свидетелями того, как мощное влияние нового движения (т. е. движения за производственные профсоюзы. — Б. М.) принуждает АФТ оставить те принципы и идеалы, за которые так долго боролся Сэмюэль Гомперс»³⁷. Действительно, законодателей конгресса больше всего пугала перспектива перерастания рабочего движения из обычного экономического движения тред-юнионистского толка в движение политическое независимое от буржуазии, от ее двухпартийной системы. Членов конгресса не могли не беспокоить такие особенности движения за производственные профсоюзы, как его массовость, острота и упорство борьбы, демократический характер, стремление к единству действий и солидарности, попытки вырваться из-под влияния буржуазной идеологии, интернационализм, рост в нем влияния

³¹ C. R., June 1, 1937, p. 6750—6758.

³² «The New York Times», 14.VIII.1938.

³³ «The CIO News», August 20, 1938, p. 3.

³⁴ C. R., August 17, 1937, p. 9128.

³⁵ C. R., March 17, 1937, p. 3004.

³⁶ C. R., January 25, 1938, p. 1396—1397.

³⁷ Ibid., p. 1396.

компартии США и левых элементов рабочего движения. Эти особенности чувствовали также лидеры американских профсоюзов, как те, которые возглавляли АФТ, так и те, которые ушли вместе с КПП и возглавили в нем руководство профсоюзами. В конечном счете обе группировки этих лидеров, каждая в своем профсоюзном центре, делали все для того, чтобы помешать усилению боевого духа рабочего движения 30-х годов. В этом состояла главная миссия консервативных лидеров АФТ и реформистских лидеров в КПП, доверенная им монополиями и их представителями в правительстве и конгрессе США.

Однако если лидеры АФТ в цеховых профсоюзах, где сильны были консервативные традиции привилегированной высококвалифицированной верхушки рабочих, могли сдерживать боевые порывы пролетариата, то не так легко это было сделать лидерам КПП в производственных профсоюзах. В условиях подъема рабочего движения в них складывались демократические традиции и росли боевые настроения, которые затрудняли происки реформистских лидеров, пытавшихся с самого начала повернуть массы неквалифицированных рабочих в русло тред-юнионистской буржуазной политики.

Одним из боевых выступлений американского пролетариата в 30-х годах были сидячие стачки в автомобильной промышленности. Известия о сидячих стачках в штате Мичиган вызвали переполох в Капитолии и изрядно перепугали американских законодателей. Поскольку сидячие стачки проводились производственными профсоюзами, то весь огонь ненависти реакционных законодателей в конгрессе и по этому поводу оказался направленным против КПП.

«Самым зловещим вопросом в нашей современной жизни является вопрос о сидячей стачке»³⁸,—так определил новую форму борьбы американских рабочих против монополий сенатор Джонсон (штат Калифорния). В этих словах сенатора звучала ничем не прикрытая классовая ненависть к мирному движению безоружных рабочих, сидевших в цехах в ожидании того, как решится их судьба в ходе переговоров с компанией. «Сидячая стачка,— утверждал конгрессмен Мичнер (штат Мичиган),— это нарушение права собственности, что означает разрушение нашей формы и системы правления»³⁹.

Подобная оценка целей и характера сидячих стачек не имела, однако, ничего общего с действительностью. Объявляя сидячую забастовку, рабочие тем самым вовсе не выступали непосредственно против существующего строя. Они выдвигали требования экономического характера, добивались признания профсоюзов монополиями, вели переговоры с компаниями о заключении коллективных договоров, целью которых должно было стать повышение почасовых расценок заработной платы, улучшение условий труда и т. д. Оставаясь в цехах, рабочие соблюдали порядок и охраняли машины, инструменты и материалы, проявляли дисциплину и примерную выдержку.

Министр труда США в правительстве Рузвельта Перкинс в письме к конгрессмену Маккормаку в апреле 1937 г. признавала вздорность измышлений по поводу антиправительственного характера выступлений рабочих. «Сидячие стачки,— писала она,— не являются выражением... движения за игнорирование закона, или за неподчинение гражданскому правительству, или за изменение существующих концепций о праве собственности. Цели сидячих стачек те же самые, что и в обычных забастовках рабочих и их профсоюзов»⁴⁰.

Письмо Перкинс ясно показывает, что члены конгресса сознательно преувеличивали опасность сидячих стачек. Их кампания против этих стачек преследовала цель вынудить Верховный суд США признать закон

³⁸ C. R., March 17, 1937, p. 3002.

³⁹ C. R., January 26, 1937, p. 558.

⁴⁰ C. R., April 13, 1937, Appendix, p. 4449.

Вагнера неконституционным актом. Она была рассчитана на создание общественного мнения в поддержку утверждений реакционных конгрессменов о необходимости крутых мер для подавления стачечного движения. Некоторые наиболее распоясавшиеся члены конгресса высказывались на сей счет весьма прозрачно, призывая власти подавить «бунт» силой. Выступая с восхвалениями «мудрости», «терпения» и «доброты» монополистов вроде Форда, Гофман с трибуны палаты представителей упрекнул правительство в том, что «командование армии и флота не принимает никаких мер в защиту этих граждан и не призывает к этому губернатора штата с тем, чтобы защищать закон страны»⁴¹.

Такие речи, произносившиеся с трибуны верховного законодательного органа страны, только поощряли реакционные силы в штатах к тому, чтобы не останавливаться перед применением крайних средств для подавления рабочего движения. Можно сослаться на многочисленные примеры расправ со стачечниками и назвать среди них случаи самого вопиющего беззакония и произвола, чинившихся в 1937—1938 гг. в городах Джерси, Нью-Орлеане, Акроне (штат Огайо) и в Пиксвилле (штат Нью-Йорк), в штатах Мэн, Мичиган и Иллинойс⁴².

Для вытеснения участников сидячих стачек из цехов предприниматели выключали отопление и свет, полиция применяла слезоточивые газы и дубинки, пускались в ход наемные банды штрейкбрехеров и сыщиков. Нельзя не отметить в связи с этим мужество стачечников, которые стойко держались, не поддаваясь на провокации и не боясь жертвовать собой ради победы общего дела. «Мы решили оставаться в цехах,— писали, например, рабочие завода Форда во Флинте.— Мы не питаем никаких иллюзий относительно тех жертв, которые повлечет за собой наше решение. Мы полностью готовы к тому, что если будет сделана попытка изгнать нас при помощи насилия, то многие из нас будут убиты, и мы хотим в этом письме передать нашим женам и детям, населению штата Мичиган и всей страны, что Вы (губернатор Мэрфи.— *Б. М.*) будете одним из тех, кто ответствен за нашу смерть»⁴³.

Американская общественность резко протестовала против откровенно профашистских выступлений конгрессменов. В письме к сенатору Бэркли (штат Кентукки) председатель Братства железнодорожных кондукторов Уитни указывал 7 августа 1937 г. на угрожающий рост терроризма против рабочих и требовал обуздать в конгрессе ретивых и опасных крикунов. «Когда люди, подобные конгрессмену Клеру Гофману из Мичигана,— писал Уитни,— открыто заявляют, что они соберут штрейкбрехеров и частную армию и отправятся в поход против рабочих нашей страны, мне кажется, что сторонники демократии и друзья рабочих больше не должны молчать»⁴⁴.

Были ли действительно такие сторонники демократии и друзья рабочих в конгрессе США? На первый взгляд их было даже слишком много. По крайней мере каждый из членов конгресса выдавал себя за друга рабочих. Многие из них клялись на трибуне в своей верности идеалам труда и демократии. Но это не мешало им в то же время осуждать сидячие стачки и право рабочих на борьбу против бедности и эксплуатации. «Друзья рабочих и я,— говорил, например, конгрессмен Шепард (штат Мичиган),— не хотим видеть эти сидячие стачки, лишаящие рабочих симпатии со стороны американцев»⁴⁵. Как видно, понятие о дружбе с рабочими у конгрессменов было вполне буржуазное. «Для отделения буржуазных

⁴¹ C. R., January 18, 1938, p. 985.

⁴² «The CIO News», December 7, 1937, p. 2; «The CIO News», July 2, 1938, p. 4; July 9, 1938, p. 3, 5; C. R., June 15, 1938, Appendix, p. 12440, 12466.

⁴³ J. A. Wechsler. Labor Baron. A Portrait of John L. Lewis. New York, 1944, p. 64.

⁴⁴ C. R., March 31, 1938, Appendix, p. 5916—5917.

⁴⁵ C. R., April 19, 1937, p. 4638.

партий любой страны от пролетарских одно из лучших проверочных средств: отношение к экономическим стачкам,— писал В. И. Ленин.— Раз известная партия в своей печати, в своих организациях, в своих парламентских выступлениях *не борется* вместе с рабочими в экономических стачках,— эта партия есть буржуазная партия, сколько бы она ни клялась своей «народностью»⁴⁶. Именно такими буржуазными партиями являются обе главные, господствующие в конгрессе политические партии США — демократическая и республиканская.

В конгрессе имелись либеральные сенаторы и конгрессмены, сторонники «мягкой» политики по отношению к рабочим, протестовавшие против террористических тенденций крайне правых элементов в конгрессе. Однако отдельные члены конгресса, оправдывавшие закон Вагнера, признававшие допустимость любых форм стачек, пикетирования и т. д., подвергались со стороны многих «друзей рабочих» самым ожесточенным нападениям. Больше всего доставалось Ла Фоллету, Вагнеру, Пепперу, Маверику, Бурку, Бернарду и др.

В этой связи обращает на себя внимание гонение на сенатскую комиссию гражданских свобод, во главе которой стоял сенатор Роберт Ла Фоллет-младший (штат Висконсин). Под влиянием широкого движения протеста рабочих против методов шпионажа и насилия, насаждаемых монополиями, 6 июня 1936 г. комиссии было поручено расследование преступной деятельности крупных монополий. 8 февраля 1937 г. комиссия представила конгрессу доклад № 46, в котором было приведено множество фактов и документов, разоблачавших произвол монополий в отношении рабочих и профсоюзов⁴⁷.

Материалы комиссии раскрыли целую систему шпионажа монополий в рабочих организациях, осуществлявшуюся через многочисленные специальные сыскные агентства. Эти процветающие в США «деловые» компании извлекали из своей гнусной и антиконституционной деятельности крупные доходы. Среди сыскных агентств в докладе комиссии были названы «Рейлуей энд инспекшн компани», «Нейшнл корпорейшн сервис», «Пинкертон'с нейшнл детектив эдженси инкорпорейтед», «Корпорейшнс ауксилيري компани» и «Вильям Дж. Бернс интернейшнл детектив эдженси».

Заключив тайные договоры с монополиями, сыскные компании засылали в профсоюзы и на предприятия своих агентов, получивших у рабочих презрительные клички «хукеров» (крючки). Эти агенты доносили на активных рабочих и профсоюзных работников, вели провокаторскую работу в рядах неорганизованных рабочих, вербовали из их среды новых осведомителей, получая от сыскных контор за эту грязную работу от 2 до 3,5 долл. в день⁴⁸.

Наряду с этим шпионские агентства специализировались на создании штрейкбрехерских отрядов и ударных бандитских шпак, главным ремеслом которых была организация провокаций, срыв стачек, избияния и убийства активистов. Оплата штрейкбрехеров и бандитов колебалась от 9 до 12 долл. в день, а за особо «ответственные» задания они получали до 50 долл. в день. Наиболее ценные шпионы и информаторы оплачивались от 1000 до 1400 долл. в месяц. Наемные банды монополий были вооружены огнестрельным оружием и слезоточивыми бомбами⁴⁹.

В докладе комиссии был приведен длинный список крупных компаний, пользовавшихся услугами сыскных отделений. Среди них значилось 36 промышленных ассоциаций, 14 корпораций предприятий общественного пользования, 27 железнодорожных и городских транспортных компаний, 52 металлургические, 32 горные, 20 пароходных, 28 пищевых компаний и

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 473.

⁴⁷ C. R., February 8, 1937, p. 1157—1161.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ «The CIO News», August 6, 1938, p. 6.

28 крупных аутсайдеров в автомобильной промышленности. Только один список промышленных фирм, пользовавшихся услугами Пинкертонов, содержал 98 наименований.

В этом же документе были подробно описаны приемы провокаторской работы и преступления шпионов, штрейкбрехеров и бандитских шаяк. Далее приводились многочисленные факты погромной деятельности этих отрядов гангстеров в разных штатах, отраслях промышленности, компаниях и на отдельных предприятиях. По требованию монополий сыскные агентства перебрасывали на грузовиках, а иногда и на самолетах из одного конца страны в другой целые отряды вооруженных бандитов.

Как отмечалось в докладе, в результате шпионской и погромной деятельности монополий повсюду составлялись черные списки, увольнялись с работы активисты и участники стачек, практиковались массовые избиения пикетчиков и т. д. Доклад был по существу настоящим обвинительным актом против крупных монополий.

То, что комиссия гражданских свобод сената собрала и опубликовала огромный фактический материал о шпионской деятельности монополий, о методах подавления и преследования профсоюзов, является несомненной заслугой комиссии и, в частности, ее руководителя Ла Фоллета перед американскими трудящимися. Отдельным рабочим казалось, что теперь, на основании этого документально обоснованного доклада, конгресс должен принять жесткие меры против нарушителей закона Вагнера и других актов высшего органа власти.

Однако мнимые друзья рабочих в Капитолии, вместо того чтобы осудить действия монополий и встать на путь борьбы с их произволом в промышленности, фактически осудили деятельность комиссии сената и самого Ла Фоллета. Большинство конгресса выступило против дальнейшего существования комиссии и для начала потребовало сокращения ассигнований на расследование преступной деятельности монополий.

Комиссия гражданских свобод была всего лишь либеральным органом конгресса. Ее работа целиком укладывалась в рамки «Нового курса» Рузвельта. Однако даже этот ограниченный буржуазный демократизм большинству законодателей казался опасным радикализмом.

Можно ли удивляться тому, что конгресс совсем по-иному отнесся к созданной им 26 мая 1938 г. специальной комиссии по расследованию антиамериканской деятельности⁵⁰. С первых же дней работы комиссии, во главе которой был поставлен крайне правый конгрессмен Мартин Дайс, обнаружилось, что она направляет свою энергию не столько против иностранной фашистской агентуры, для борьбы с которой она якобы была создана, сколько против демократических, особенно рабочих, организаций внутри страны. Тенденция свернуть и ликвидировать деятельность сенатской комиссии гражданских свобод и расширить сферу влияния комиссии Дайса лучше всего характеризовала политическое кредо значительного большинства членов конгресса.

В рамках программы «восстановления» в первые годы администрации Рузвельта был принят ряд мер, направленных на смягчение бедственного положения безработных. Однако вмешательство буржуазного государства не могло сколько-нибудь существенно повлиять на устранение безработицы, которая продолжала оставаться нерешенной национальной проблемой № 1. С 1933 г. по июнь 1937 г., по данным конгресса, на организацию общественных работ и выплату пособий безработным было ассигновано 15,3 млрд. долл.⁵¹ В действительности из этих же средств выплачивались также субсидии предпринимателям и монополиям. За

⁵⁰ Эта комиссия была создана первоначально в качестве временного органа, но 3 января 1945 г. на основе резолюции конгрессмена Джона Рэнкина (республиканец от штата Миссисипи) палата представителей превратила ее в постоянно действующий орган конгресса.— «Daily Peoples World», 20.II.1953.

⁵¹ C. R., February 17, 1937, p. 1622; January 30, 1937, p. 744.

вычетом субсидий капиталистам, помощь безработным составляла всего сумму в 7 млрд. долл.⁵²

В 1937—1938 гг. оказание такой помощи продолжалось, но размеры ее стали резко сокращаться, хотя численность безработных оставалась на уровне прежних лет. К этому времени среди монополистических кругов усилилось недовольство политикой помощи безработным, и они стали добиваться сокращения ассигнований на нее. Подобные настроения находили свое отражение и в конгрессе. Это проявилось, в частности, в ожесточенной борьбе вокруг размеров предоставления новых средств на помощь безработным. Сокращение этой помощи становилось все более ощутимым, что вызывало растущую тревогу в профсоюзах. В Вашингтон прибывали все новые и новые делегации от безработных, требовавшие положить конец политике сокращения ассигнований на помощь безработным. Члены конгресса с беспокойством смотрели на толпы безработных, на линии пикетчиков, окружавших Капитолий. Отдельные конгрессмены не могли скрыть своего недовольства движением безработных. «Почему эти люди получают пособие? — вопрошал с трибуны палаты представителей Клод Фуллер (штат Арканзас). — Они кружат здесь вокруг конгресса и демонстрируют... Мы должны задержать этих людей, которые прикрываются Управлением общественных работ»⁵³.

В результате непрерывного и сильного давления монополий конгресс США в 1937—1938 гг. встал на путь неуклонного сокращения помощи безработным. Весной 1937 г. только для WPA ассигнования были урезаны на 675 млн. долл. по сравнению с 1936 г., в результате чего 500 тыс. безработных лишились заработка на общественных работах. Кроме того, за первые 9 месяцев 1937 г. были сокращены ассигнования Управлению социального обеспечения на 152,4 млн. долл. по сравнению с соответствующим периодом 1936 г.⁵⁴

Что касается отношения конгресса США к вопросу об экономическом положении рабочих, занятых в промышленности, то для выяснения данной проблемы лучше всего обратиться к судьбе законопроекта о минимуме заработной платы и продолжительности рабочего дня. Дебаты по этому законопроекту заняли большое место в работе конгресса в 1937—1938 гг.

Установление нижней нормы почасовых расценок и верхнего предела рабочего дня и недели было животрепещущей задачей рабочего движения США. Профсоюзы издавна вели борьбу за законодательные ограничения этих двух насущных показателей положения рабочих на производстве. В годы кризисов, когда на рынке труда для рабочего класса складывалось крайне неблагоприятное соотношение спроса и предложения рабочей силы, массовая безработица всей своей тяжестью давила на заработную плату и продолжительность рабочего дня оставшихся на производстве рабочих. Предприниматели снижали почасовые расценки и увеличивали нормы выработки в единицу времени, не испытывая при этом недостатка в рабочей силе. Производ, чинимый монополиями, неизбежно должен был вызвать резкое сопротивление со стороны организованной части рабочего класса. Обострение классовой борьбы на этой почве находило свое выражение в растущем стачечном движении.

Формировавшаяся под явной угрозой дальнейшего усиления борьбы пролетариата либеральная рабочая политика Рузвельта включала в себя некоторые законодательные меры по установлению минимума заработной платы и максимума рабочей недели. Эти попытки «урегулировать» трудовые отношения в промышленности воплотились в законопроекте Блэка — Коннэри, ставшем объектом длительных и острых столкновений в конгрессе.

⁵² «The CIO News», February 26, 1938, p. 5; C. R., March 17, 1938; Appendix, p. 4838; May 23, 1938, p. 9568.

⁵³ C. R., May 28, 1937. Appendix, p. 6690.

⁵⁴ «The New York Times», 24.XI.1937.

се. Сенатор Хью Блэк (штат Алабама) 24 мая 1937 г. внес законопроект в комиссию по труду и просвещению сената под номером S. 2475. В тот же день конгрессмен Лауренс Коннэри (штат Массачусетс) внес свой вариант закона в комиссию по труду и просвещению палаты представителей под номером H. 7200⁵⁵. Эти законопроекты были разработаны тремя советниками Рузвельта — Коэнном, Джексонном и Коркораном⁵⁶. Были внесены и другие варианты законопроекта, в том числе законопроект АФТ, которые не вышли, однако, за пределы комиссий обеих палат по труду⁵⁷.

Дебаты по законопроекту Блэка — Коннэри длились с 24 мая 1937 г. по 25 июня 1938 г., когда в обеих палатах был принят доклад согласительной комиссии конгресса. Закон вступил в силу только 25 октября 1938 г.⁵⁸ Были исписаны горы бумаги, произнесено бесчисленное множество речей. Демократы и республиканцы скрещивали свои чернильные рапиры, бросались в словесную перепалку. Лобби монополий вели активную закулисную работу, оказывая весьма большое влияние на «неподкупных» членов конгресса.

Следует отметить, что деятельность лоббистов в 30-х годах в США приобрела крайне скандальный характер. Она вызвала столь серьезное возмущение общественности, что сенат был вынужден создать специальную комиссию по расследованию деятельности лоббистов. Было установлено, что они организовывали целые кампании протеста против того или иного закона. В докладе комиссии сообщалось, что только в 1936 г. 14 известных лоббистских организаций внесли в фонд финансирования этих кампаний свыше 1 млн. долл.⁵⁹. Среди этих организаций фигурировали, например, «Американская лига свободы», «Американская федерация вкладчиков в промышленность общественного пользования», «Национальная лига экономики», «Южный комитет защиты конституции».

Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата США — ведущие организации американского монополистического капитала — имели свои целевые фонды для поддержки лоббистов. В эти фонды было внесено 924 тыс. долл., в том числе 356 тыс. долл. — Дюпонами, 68 тыс. — Морганам, 60 тыс. — Меллонам, 49 тыс. — Рокфеллерами, 184 тыс. — различными банками и маклерами, 27 тыс. долл. — компаниями предприятий общественного пользования и т. д.

Кампании лоббистов были направлены прежде всего на подрыв тех мероприятий «Нового курса», которые вызывали недовольство монополий. Как подчеркивал в своем выступлении по радио в Хартфорде (штат Коннектикут) 24 апреля 1938 г. конгрессмен Герман Копплмен, это особенно ясно выявилось во время специальной сессии конгресса в конце 1937 г. в связи с дебатами по законопроекту о минимуме заработной платы и максимуме рабочего дня⁶⁰. В частности, в результате подрывных действий лоббистов, которые продолжали свою «работу» несмотря ни на какие «расследования», палата представителей большинством в 18 голосов вернула представленный ей законопроект Блэка — Коннэри обратно в комиссию по труду. Не только лоббисты действовали против этого законопроекта, но и вся «большая пресса» монополий, обрабатывая своих читателей, создавала в стране «общественное мнение» против него.

Изучение протоколов конгресса США за указанное время позволяет представить, сколь тернистым был путь законопроекта, призванного не только облегчить положение низкооплачиваемых, неквалифицированных рабочих. Закон должен был установить в промышленности минимум почасовой заработной платы не ниже 25 центов и максимум рабочей недели

⁵⁵ C. R., July 28, 1937, p. 7750—7751; «The CIO News», April 9, 1938, p. 3; June 18, 1938, p. 5.

⁵⁶ C. R., January 24, 1938. Appendix, p. 1357.

⁵⁷ C. R., November 15, 1937, p. 11; December 13, 1937, p. 1845.

⁵⁸ «The CIO News», August 13, 1938, p. 7.

⁵⁹ C. R., April 28, 1938. Appendix, p. 7894.

⁶⁰ Ibidem.

не выше 40 часов. Однако подобное законодательство не входило в планы и расчеты воротил монополий, которые рассматривали самую идею будущего закона как попытку рабочего класса посягнуть на коренные интересы крупного капитала, как покушение на принципы частной собственности и «свободного» предпринимательства. Как и в отношении закона Вагнера, была пущена в ход версия о том, что законопроект Блэка — Коннэри — дело рук «красных в КПП», результат происков коммунистов и «сочувствующих» им реформаторов из Белого дома.

Невозможно привести все доводы и возражения против законопроекта о минимуме зарплаты, выдвинутые с трибун конгресса. Слишком очевидна была тенденция законодателей замедлить прохождение законопроекта, усложнить его обсуждение; они произносили длинные речи, выдвигали поправки, возвращали проект из палаты на доработку в комиссию по труду, из комиссии в подкомиссию и т. д.

Главные возражения против законопроекта шли по линии подчеркивания мнимой неконституционности будущего закона, т. е. незаконности вмешательства государства в отношения между предпринимателями и рабочими, а также по линии отрицания необходимости создания Национального управления по контролю за исполнением закона. «Я считаю этот билль неконституционным, — заявлял конгрессмен Лемнек. — Как уже квалифицировал Верховный суд, федеральное правительство некомпетентно контролировать заработную плату и продолжительность рабочего дня»⁶¹. Такой же позиции придерживалось опрометное большинство правых членов конгресса. Член палаты представителей Кокс назвал законопроект «вредным экспериментом», а организация Национального управления, по его словам, могла бы создать «неограниченную систему вмешательства» государства не в пользу промышленников⁶². По словам конгрессмена Вудруфа, принятие данного закона могло явиться будто бы шагом на пути к «плановому» хозяйству, что уже означало бы «социализацию» капиталистической экономики и общественных отношений. «Законопроект, — заявлял Вудруф, — явится поворотом к установлению политической автократии и контроля на пути к разрушению нашей конституционной свободной республики»⁶³. Мартин Дэйс, объясняя причины возвращения палатой представителей законопроекта обратно в комиссию по труду, говорил, что «первоначальный законопроект предусматривал слишком сильную концентрацию власти в руках Федерального управления, создаваемого в соответствии с будущим законом»⁶⁴.

Нельзя не отметить и тот факт, что многие конгрессмены, выступавшие против законопроекта Блэка — Коннэри, апеллировали к фермерам, пытаясь восстановить их против рабочего класса. По их словам, принятие этого законопроекта повысило бы заработную плату рабочих настолько (!), что вызвало бы повышение цен на промышленные изделия и, следовательно, рост стоимости жизни фермеров⁶⁵.

В 1938 г. обструкционисты в конгрессе еще более усилили свою кампанию против законопроекта Блэка — Коннэри. Дэйс внес новые поправки к нему, направленные на то, чтобы предоставить некоторые функции по контролю за выполнением будущего закона специальным агентствам при законодательных собраниях штатов. В это время уже в 20 штатах существовали комиссии по установлению пределов заработной платы и рабочего дня. Создание этих комиссий передавало контроль за проведением в жизнь минимума заработной платы и максимума рабочей недели в руки местных властей, децентрализовывало его. Поправки Дэйса в конечном счете имели своей целью свести на нет значение закона для профсоюзов, ибо, как счи-

⁶¹ C. R., November 15, 1937, p. 11.

⁶² C. R., November 23, 1937, p. 463.

⁶³ C. R., May 23, 1938, p. 9617.

⁶⁴ Ibid., p. 9579.

⁶⁵ Ibid., p. 9580.

тал Дайс, «власти штатов будут более доступны для предпринимателей», т. е. более сговорчивы и менее уязвимы в смысле контроля⁶⁶.

Однако значение принятого в конце концов закона о минимуме зарплат было и без того ничтожно. При оплате в 25 центов за час труда, при маловероятном условии полной занятости рабочего (44 часа в неделю), он мог получать еженедельно 11 долл., или 572 долл. в год. При оплате в 40 центов он получал бы, начиная с 1942 г., 16 долл. в неделю, или 832 долл. в год⁶⁷. И это при 1820 долл., требовавшихся для содержания средней рабочей семьи из 4 человек. Даже отдельные конгрессмены вынуждены были признать, что принятый закон мало облегчал положение рабочих. Установленный «минимум,— заметил конгрессмен Джеймс Мид (штат Нью-Йорк),— абсурдно низкий»⁶⁸.

К этому необходимо добавить, что закон распространялся только на 2—3 млн. рабочих, работавших на предприятиях, связанных с обеспечением межштатной торговли. Конгрессмен Аллен (штат Пенсильвания) подсчитал, что закон не распространялся по крайней мере на 5 млн. рабочих, заработная плата которых была ниже 25 центов, поскольку они не «отвечали» другим условиям закона⁶⁹. Конгрессмен О'Коннор (штат Нью-Йорк) привел данные, свидетельствовавшие о том, что под юрисдикцию закона попадало только 900 тыс. рабочих в отношении минимума заработной платы и около 2 млн. рабочих в отношении максимума рабочего дня⁷⁰.

Однако даже этот столь ограниченный закон был встречен в штыки со стороны реакционного блока в конгрессе. Если тем не менее законопроект Блэка — Коннэри стал законом, то это произошло лишь под сильнейшим давлением широких масс рабочего класса США.

* * *

Таковы некоторые вопросы, составлявшие содержание деятельности конгресса США в области рабочего законодательства в 1937—1938 гг. Несмотря на тактические разногласия между отдельными фракциями буржуазии, в целом эта деятельность неизменно была направлена на поддержание и укрепление пошатнувшихся в годы кризисов позиций двухпартийной буржуазной политической системы, на сохранение капитализма и упрочение его позиций во всех областях экономической, политической и идеологической жизни страны.

Именно этим объясняется тот факт, что все действия конгресса, независимо от того, были ли они предприняты по инициативе либеральных сторонников «Нового курса» Рузвельта или же открыто реакционных элементов, всегда определялись и направлялись единой волей господствующего класса, исходящей от крупнейших монополий. Выступали ли с трибуны конгресса либеральные сенаторы вроде Вагнера и Ла Фоллета или же крайне правые конгрессмены вроде Гофмана и Дайса, каждый из них по-своему, хотя и различными средствами и в разных формах, преследовал одни и те же политические классовые цели.

В парламентской дуэли политических деятелей в конгрессе нередко стирались партийные различия между демократами, официально стоявшими у власти, и республиканцами, выступавшими в роли официальной оппозиции. Среди сторонников «Нового курса» Рузвельта были не только демократы, но и часть республиканцев, и, наоборот, среди их противников, составлявших крайне правое крыло законодателей, находились не только республиканцы, но и часть демократов, особенно из группы южных диксикратов. Это обстоятельство с еще большей силой подчеркивает

⁶⁶ C. R., May 23, 1938, p. 9580.

⁶⁷ C. R., May 12, 1938. Appendix, p. 9013.

⁶⁸ C. R., May 9, 1938. Appendix, p. 8613.

⁶⁹ C. R., May 23, 1938, p. 9595.

⁷⁰ Ibid., p. 9582.

тот факт, что либеральные и реакционные круги в конгрессе по существу представляли два крыла, две фракции одного класса — буржуазии. Ни в конгрессе, ни в Белом доме не было и не могло быть никаких сторонников подлинно демократической линии в рабочем вопросе. Водораздел проходил не в конгрессе, а за его пределами, причем сам конгресс был в конечном счете полностью на стороне монополий, противостоящих рабочему классу США.

В то же время было бы ошибкой считать, что действия конгресса и особенно его тактические демарши предпринимались без учета влияния демократического движения. Давление массового рабочего движения было значительным фактором в деятельности конгресса США в 30-х годах. «Новый курс» либеральной буржуазии в рабочем вопросе был прямым результатом этого давления массового рабочего движения. Все рассмотренные выше законы, а также демагогические речи и заигрывания были обусловлены создавшейся в 30-е годы в США обстановкой. Борьба двух фракций буржуазии вокруг либерализма и терроризма в рабочей политике была продуктом тех экономических и политических осложнений, перед которыми оказался в тот период американский капитализм.

